

Губенко Олег Вячеславович (род. 11.11.1967 г.). В составе Минераловодского отдела СКО ТКВ с 1991 г. Находился на должностях заместителя атамана по идеологии, казначея, начальника штаба, председателя Суда чести, походного атамана, хуторского атамана. В 1996 году в составе 694-го отдельного мотострелкового казачьего батальона им. Ермолова проходил службу в зоне военного конфликта в Чечне в должности командира взвода. В октябре 1999 года избран атаманом Минераловодского казачьего отдела, в ноябре 2002 года переизбран на второй срок.

Автор двух книг о казачестве «Станичники» и «Последняя битва».

За участие в боевых действиях награждён медалью Жукова, за заслуги перед Русской Православной Церковью награждён орденом Ставропольской и Владикавказской епархий.

Древнейшая часть казачьего населения Притеречья известна под именем гребенских казаков, которое получили они по месту своего первоначального проживания - в отрогах Кавказских гор. О местоположении первых казачьих поселений известно только то, что они находились в начале XVI века на довольно обширной территории по рекам Аргун, Баас, Хулхулау, Сулак, Акташ и Сунжа. К сожалению, нет достоверных археологических материалов, подтверждающих точное расположение казачьих городков в тот период, и мы в этом вопросе можем опираться только на казачьи и чеченские фольклорные источники.

Отсутствие остатков материальной культуры гребенского казачества в этом регионе свидетельствует и о том, что постоянных поселений у казаков в ту эпоху не было. Кочевая казачья жизнь была связана в первую очередь с отсутствием культуры земледелия, что было присуще всем ранним казачьим обществам, в том числе Донскому и Запорожскому.

Условия постоянной военной опасности сформировали из гребенских казаков устойчивые мобильные группы, управляемые посредством военно-патриархальной демократии, материально подпитываемые в соответствии с формами несозидательного хозяйствования (война, охота, рыбная ловля). Земледелие имело примитивный характер, заимствованный у кабардинцев, и развитие его началось только в XVII веке. Этим и объясняется такой большой ареал первоначального проживания гребенцев, что связано с постоянными внутренними миграциями казачьих групп.

По сравнению с местом первоначального обитания других казачьих социумов (Дон, Днепр), восточное Предкавказье в конце XV - начале XVI веков было уже достаточно плотно заселено, а на ещё пустующие горные и лесистые места постоянно претендовали те или иные племенные группы или князья.

Каким образом смогли выстоять в окружении потенциальных противников гребенские казаки, численно незначительные и отличающиеся от большинства народов и племен, проживающих по соседству, культурой и героическим поведением? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать этническую и политическую ситуацию на Северном Кавказе в конце XV - начале XVI веков.

В этот период Османская империя, окончательно покорив Византию и ринувшись на Балканы, в своей Кавказской политике сделала ставку на окрестное вассальное Крымское ханство. Влияние его на Закубанских черкесов проявилось сразу же - началась насильственная исламизация адыгов. Ряд племен стали данниками крымского хана; кабардинцы и шапсуги сопротивлялись более 200 лет, а племя хейгайковцев было истреблено полностью.

Центральный и Восточный Кавказ в это время представлял собой территорию, которую в той или иной степени контролировали кабардинские князья, простиравшие свои претензии вплоть до Каспийского моря. Нередко мощные аланские княжества были опустошены и обескровлены ещё во времена монгольского нашествия, и поэтому осетинские князья, отставив не-

зависимость своих владений, были не в состоянии претендовать на расширение территорий влияния и конкурировать в этом вопросе с кабардинцами.

Вайнахские тейпы на тот период не обладали достаточно сильным политическим и экономическим весом и являлись в большинстве своем данниками князей Большой и Малой Кабарды. Стоит заметить, что и среди кабардинцев не было мира - средовые усобицы ослабляли их позиции в Восточном Предкавказье, тем более что здесь на политическую арену выходила новая сила, претендующая на доминирующую роль в этом регионе - кумыцкие князья.

Османские эмиссары на Северном Кавказе сделали ставку на полководцев потомков, поддерживая их устремление на подрыв былого могущества своих кабардинских соседей. Отсюда и желание кабардинского князя Темрюка обрести могущественного союзника в лице Ивана Грозного, дабы сохранить своих вассалов и своих данников. Другой задачей было выстоять в противостоянии с Шамхалом Тарковским, тяготеющим то к Турции, то к Персии. Исходя из этого, считаем вполне вероятным изначальное вхождение гребенских казаков на правах вассалитета в ту или иную военно-политическую систему кабардинских князей. Тем более что казаки проживали на гребнях, разделяющих Малую Кабарду и вайнахов с одной стороны, и примыкающих к кумыцким владениям с другой. Выбор союзников для казаков был не случаен. Процесс исламизации в Кабарде только начался, не все представители этого народа на тот период были мусульманами. Есть свидетельства того, что, приехав в Москву, уорки и уздени вновь принимали крещение.

Устная фольклорная традиция кабардинцев связывала прошлое своего народа с Россией, свидетельствуя о том, что в VII-ом веке Гиджры (XIII век нашей эры) их предки проживали в пределах Рязанского княжества, и уже тогда отлучались на Кавказ. Есть предположение и о том, что вместе с ними ушли и некоторые славяне - жители этого княжества. Частичное подтверждение этому мы находим у Сигизмунда Герберштейна (посол Германского императора в Московии в 1517 и 1526 годах), который пишет о Пятигорских Черкасах: "...церковную службу выполняют по греческому обряду на славянском языке".

Впрочем, такие масштабные миграции, присущие адыгам в древности, по всей видимости, были не единичными. Подтверждает это и факт массового переселения их в XIV веке в пределы России, в княжество Курское, а оттуда - на Днепр, где ими был основан город Черкасы.

Первый этап вовлечения гребенского казачества в сферу деятельности институтов российской государственной власти совпал по времени с вхождением в состав России Кабарды. В 1557 году кабардинцы принимаются в Московское подданство, а уже в следующем году в составе русских войск они участвуют в Ливонской войне и в походе на Крым. В 1561 году Иван Грозный взял в жены кабардинскую княжну Марию Темрюковну, и это ещё более сблизило Кабарду с Россией. Спустя два года царь посылает в помощь своему тестю князю Темрюку войско под начальством Плещеева, в составе которого находились и казаки: "В Черкасы пришли...и с ним голова стрелецкая Григорий Враженский, а с ним стрельцов 500 человек, да 5 атаманов, а казаков с ними 500 человек...". Это летописное указание является первым свидетельством о пребывании русских служилых людей на Кавказе.

В 1577 году воевода Лукьян Новосильцев основал крепость Терки с постоянным гарнизоном из стрельцов и городовых казаков, и в этом же году было составлено первое летописное упоминание о боевой службе терских (вольных) казаков против Крымской орды в районе реки Сунжа. Позднее было определено считать 1577 год датой старшинства Терского казачьего войска.

Отсутствие более ранних письменных свидетельств о пребывании гребенцов на Кавказе не говорит о том, что вольных казаков здесь не было. Как считает В. А. Потто, о них не было ранее написано "потому, что...часто смеиваются с кабардинцами". Это ещё раз подтверждает мнение о первоначальном вассалитете гребенцов по отношению к кабардинским князьям.

Существует свидетельство, что в 1589 году "атаманом Терским" и "вольным казакком Терским" был некто Шолох. Чисто кабардинское имя атамана говорит о том, что в тот период к гребенскому казачеству "примешивался элемент местный, благодаря которому, быть может, казачество и держалось так долго в Гребнях".

Москва утвердила свое присутствие на Кавказе постройкой городка Терки в 1577 году с гарнизоном, состоящим из стрельцов и инородцев, развивших желание служить царю.

Отличительной особенностью крепости Терки являлось отсутствие религиозных разногласий среди представителей гарнизона. Так инородцы представляли "новокрещен" (т.е. принявших крещение) и "окочан" (оставшихся

мусульманами). Они были поселены в разных слободах, чтобы не мешать друг другу в отправлении религиозных обязанностей, но службу несли вместе. Союзниками их были поселившиеся в низовьях Терека казаки. По преданию, они были выходцами с Дона, и некоторое время промышляли разбоем на Волге. Под давлением царского стольника Мурашкина, расценённые на три части, бежали на Урал, основав Яицкое казачество, последнее стали известны под названием Терских казаков.

Иван Грозный, включая кавказские земли в состав Российского государства и считая служилый народ, по праву, своим, тем не менее, не разрушал старых принципов сложившегося вассалитета. Одному из кабардинских княжеских родов фактически была дана управленческая приоритетность на протяжении нескольких поколений (Джанк-лиш - Санчулей - Муцал - Каспупат - Адиль-Гирей - Довлет-Гирей, и он же в крещении князь Александр Бекевич Черкасский) над терскими казаками.

С именем этой старшей части терского казачества связана эпоха вольности, когда отношения с государством выстраивались на паритетных

КАЗАЧЬЯ СТАРИНА

началах. Царские воеводы просили казаков о той, или иной службе, а казаки не всегда соглашались и действовали по своему усмотрению ("как круг решил"). Подобные отношения между казаками и государством были характерны для всех казачьих социумов, образовавшихся на протяжении XV - XVI веков на окраинах Российского государства.

Лояльное отношение казачьей волиницы к власти давало последней возможность привлекать эту военную силу для решения тех или иных внешнеполитических проблем. Осложнение отношений между Россией и сопредельными государствами неизменно поднимало в поход гребенцов и терцев.

- 1590, 1594, 1604 гг. - участие в походах против Шамхала Тарковского;
- 1633 г. - нападение на Малую Ногайскую Орду;
- 1645-1646 гг. - успешные действия против Крымского ханства и ногайцев Большой Орды совместно с Донскими казаками;
- 1656 г. - участие в войне со Швецией;
- 1677 г. - Чигиринский поход;
- 1687-1689 гг. - Крымский поход;
- 1695 г. - Петровский поход на Азов.

Союзнические обязательства казаков в отношении государства не всегда оставались нерушимыми. На этот период приходились и события, свидетельствующие и о явном противостоянии казачьих окраин и Москвы, нередко переходящие в кровавые столкновения. Не оставались в стороне от этих конфликтов и казаки Терека.

В 1606 году 4000 представителей терской волиницы поднялись вверх по Волге и окупились в событиях Смутного времени, выдвигая на престол своего самозванца - "царевича Петра". Эта казачья группа в полном составе приняла участие в движении Ивана Болотникова. Около половины терцев погибло в битве при Кашире, другая же половина попала в плен в Туле, но была помилована и отпущена на Терек. Однако же оставшиеся на территории Предкавказья казаки сохранили верность воеводе Головину, и в 1613 году, выйдя к Астрахань, разбили на Волге мятежного атамана Заручко.

Подобные колебания были нередки в истории Терских казаков XVII века. Большая группа их приняла участие в походе Степана Разина в Персию и на Россию в 1667 - 1670гг., но и здесь вектор казачьего движения неизменно переместился от "самостоятельной" позиции к прогосударственной. В 1671 году терские, гребенские казаки и кабардинцы приняли участие в пленении последнего разинского атамана Шелудяка в Астрахани.

Были и менее широкомасштабные проявления казачьей вольности, сводившиеся к ограблению торгового люда, или нарушению перемирий, утвержденных между Москвой и одним из соседних государств.

Для этого периода характерны и последовательные миграционные процессы, происходящие в среде гребенских и терских казаков, обусловленные несколькими объективными факторами, а именно:

- ослаблением созерцательной функции кабардинских князей;
- недостаточно прочным поло-

жением Российского государства на Кавказе, связанным, в первую очередь, с нестабильной ситуацией в самой метрополии;

началом активности чеченских тейпов, обусловленной процессом объекциональной идентификации, что повлекло за собой стремление к расширению сфер влияния.

Кочевой принцип жизни гребенцов был завершён к середине XVII века, и казачий ареол сузился до границ Сунженского хребта; здесь же в 1651 году был основан Сунженский острог. Следствием начавшегося давления на казаков является переселение в 1674 году терского атамана князя Каспупата, спасающегося от набегов крымцев и подвластных им горцев, с правого на левый берег Терека. В этот период начали существовать и постоянные казачьи городки между Терекком и Сунжен. Данные о них отрывочны, но очевидно, что место их расположения несколько раз менялось, и гребенские казаки поэтапно оттеснялись к правому берегу Терека вплоть до 80-х годов XVII века.

Очерченной миграционный процесс пришелся на начало XVIII века. В 1711 году генерал Апраксин предложил гребенским казакам переселиться

на левый берег Терека, что и было исполнено ими. На новом месте были основаны станицы Червленая, Щедринская, Курдюковская, Старогладковская, Новогладковская. Социальный фактор в жизни казаков Притеречья в этот период определялся, в большинстве своем, обычным общинным правом. Оно, в первую очередь, было производным от основного и главенствующего мировоззренческого фундамента - православия. Дополненные к этой основе культурные компоненты, заимствованные от соседних горских и степных народов позволили создать уникальную субэтническую общность гребенских и терских казаков.

Первоначальным определяющим признаком казачьего общества являлась тотальная милитаризация его. Постоянное состояние войны, кочевой образ жизни, отсутствие оседлых признаков хозяйствования делали казачье общество не просто устойчивым ко всем видам внешних проявлений, но и выводили казачку в качестве совершенного самостоятельного субъекта казачьего общества.

Нередко женщины становились вместе с мужчинами на защиту своих станиц от неприятеля. Пример тому - осада Щедринского городка в 1701 году, и Червленского - в 1706 году. Сам институт семьи долгое время оставался неопределенным, что также являлось следствием постоянной военной опасности. Особенное отношение к женщине у казаков, возможно, было связано и с остаточным проявлением присущего в древности матриархата, о чем свидетельствует и казачий фольклор.

Так у всех старейших казачьих групп (донские, гребенские, яицкие) есть предание о существовавшем когда-то у казаков обычае утопления женщин и детей, якобы, для того, чтобы не обременять себя семьей. Отголосок этого обычая нашёл своей воплощение в легенде о персидской княжне, утопленной Степаном Разиным в Волге.

Яицкие (уральские) казаки всегда произносили тост за "бабку Гугниху", мифическую казачью прародилицу - первую оставшуюся в живых женщину - казачку. Процедура заключения брака каждое казачье общество определяло самостоятельно. Как правило, она проходила на Круге, что подчеркивает отсутствие индивидуалистического принципа бракосочетания в тот период, делая его частью общественной жизни, нередко подотчетной тем или иным институтам власти казачьего общества (атаману, старикам) в соответствии с древними традициями.

В традиционной правовой базе общинного (обычного) права был заложен четкий механизм регулирования социальных компонентов казачьей жизни.

Процедура развода была не менее простой, чем процедура брака. Примитивизм этих процессов не является свидетельством безответственного и легкомысленного отношения казаков к такой основополагающей платформе любого общества, как семья.

С подачи некоторых авторов, свидетельствующих о казачьей истории, расхожим мнением стало объяснение причины казачьего развода в древности всего лишь прихотью главы семьи. Дескать, достаточно было вывести жену на Круг и сказать: "Она мне не жена", и любой желающий мог взять её себе.

Так был искажен первый и один из главных принципов социального устройства жинцы казаков, связанных с проблемой воспитания сирот и призрения вдов.

Нередки были в жизни казаков ситуации, в которых необходимо было пожертвовать своей жизнью для спа-

сения жизни других. Только в этом случае казак-смертник, выходя на майдан, говорил: "Братья казаки, кто возьмет мою вдову и моих сирот за себя?". Достаточно было выйти из толпы любому казаку и, накрыв буркой женщину и детей, увести с собой. Обычай этот имел у казаков название "талах" (по-татарски - "отойди").

Есть свидетельства и того, что из набегов на соседние народы казаки иногда привозили женщин, имеющих детей. И в этом случае казак признавал их не просто военной добычей, но, по праву, своими детьми. В казачьем обычае такие приемыши назывались "тума".

Влияние этнических компонентов на формирование терско-гребенского субэтноса было более сильным, нежели у других старейших казачьих групп. Это обусловлено, в первую очередь, удаленностью Терека в XVI - XVII веках от Российского государства.

Пополнение казачьего общества за счет пришло из России беглого элемента, как на Дону, было практически невозможным вплоть до середины XVII века. Отдельные ватаги донских, яицких и даже запорожских казаков появлялись на Тереке для осуществления воинского или иного промысла, но

это были разовые, несистемные вылазки, не способные особо повлиять на демографические процессы в среде гребенцов и терцев.

В этот период казачьи семьи, как правило, были полиэтничны. Женщины появлялись в казачьей среде или же в результате набегов на соседней (в качестве военной добычи), или же, как свидетельствует добрососедских отношений (закрепление союзнических обязательств). Высказываются предположения, что и покупки казаками женщин на невольничьих рынках были не такой уж редкостью.

У гребенцов существовало предание, что в древности они нередко делали набеги на окраинные области России и привозили оттуда похищенных невест. Снаряжались казаки в такой поход "около Вознесеньева дня" и старались вернуться до Петровского поста, чтобы успеть повенчаться. Старики верили, что от Терека до Пензы, Самары и Воронежа расстояние одинаковое, так как казаки от этих мест возвращались, как правило, одновременно.

Не только русские, но и чеченские, кабардинские, кумыцкие женщины вливались в казачью среду и адаптировались в ней очень быстро, так как единственным главенствующим идентифицирующим фактором у терцев и гребенцов являлось православное крещение. В свою очередь, новые казаки приносили в семейный быт элементы собственной национальной культуры.

Кроме этого, присущий Кавказу обычай куначества был очень распространён и среди казаков. Имея друзей, побратимов и родственников по линии жены среди представителей других народов, казаки восприняли многие элементы их культуры, в том числе: одежду, танцы, кабардинский плуг, употребление пшенной "пасты" вместо хлеба, приемы наездничества и многое другое.

Еще один обычай, заимствованный казаками у горцев, имел название атыльчества. Следуя древней традиции, куначки обменивались на некоторое время (иногда до нескольких лет) своими детьми. Воспитываясь в культурно иной среде, дети впитывали в себя её элементы. Бывали случаи, когда в результате гибели родителей дети отдавались на попечение куначьей семьи.

Знание двух-трех языков было обычным явлением среди казаков Терека, при этом обязательным было знание татарского языка, посредством которого объяснялись между собой представители всех народов Северного Кавказа.

Отличие гребенцов и терцев от других казачьих групп проявилось и в вопросах образования. Если на Дону, а особенно в Запорожской Сечи, нередко встречались не просто казаки, обученные грамоте, но знающие латинский, греческий языки, риторику и философию, то на Тереке, удаленном от монастырских образовательных центров, их роль исполняли опять же казачьи общества.

Грамотность была редкой, как правило, передавалась по наследству. Читать дети учились по Псалтири, да и необходимым были такие азы обучения в основном для руководства религиозной жизни общины. Следует отметить, что, допуская возможную культурную конвергенцию, казаки Терека всегда свято хранили православные традиции, приносённые ими в древности на Кавказ, и этим самым подчеркивали свою осознанность и обособленность от всего остального мира, в том числе и русского.

Подвижный образ жизни казаков в XVI веке не позволял им иметь церкви, а отсутствие священников было обусловлено достаточной удаленностью от православных епархий России. В

этих условиях гребенцы и терцы исполняли религиозные обряды по своим возможностям и в соответствии с той формой, которую приняли их предки в условиях полной религиозной изоляции.

Православная жизнь казачьего общества находилась в руках тех "знающих" казаков, о которых написано выше, а они, в свою очередь, избирались на Круге в соответствии с правилами казачьей демократии.

Церкви начали появляться на Тереке в острогах, поставленных "царскими людьми" в XVII веке. Гребенцы и терцы, возможно, посещали их, но это продолжалось до момента Никонских реформ в Русской Православной Церкви. Церковные нововведения дошли до Терека не сразу. Астраханские архиереи старались не досажать казаков объяснениями тонкостей богословских различий, однако же, движение раскола неминуемо докатилось из России, через Дон, на Кавказ.

Первоначально гребенцы радужно встретили беглых раскольников, но затем, столкнувшись с их явно антироссийскими настроениями, казаки совместно с узденими кабардинской княгини Таукаль разбили основные силы мятежников у сунженского брода в 1692 году. Религиозное давление на терцев постепенно усиливалось, и было это свидетельством того, что они, начиная с 1668 года, попали в определенную зависимость от царских воевод, получили название Терского казачьего войска и были включены в состав гарнизона Терской крепости (13, с.65). Тем не менее, казаки держались старых обычаев, и не редко находили поддержку у воевод, для которых вопросы обороны и верности государю были главными. Этот принцип оставался неизменным в отношении казакам Терека на всем протяжении XVI - XVII веков.

Официально власть не особо вмешивалась во внутренние дела казачьих обществ, даже если по некоторым позициям она не совсем совпадала с основными направлениями государственной политики и идеологии, но и, в то же время, не особо обременяла себя обязательствами по отношению к терцам и гребенцам.

Государственное регулирование социальных вопросов в казачьей среде практически отсутствовало. Некоторыми законодательными актами регламентировалось всего лишь вопросы службы и вознаграждения за неё. Так, согласно составленного по указанию Ивана Грозного "Устава сторожевой станичной службы", казакам, находившимся в составе гарнизонов приграничных городков, полагалось по 150 десятинам земли, а также поместный оклад и жалование.

"Вольное" казачество не получало в тот период от государства каких-либо системных компенсаций за службу, практиковались только разовые выплаты за какую-то особую военную акцию. Так в качестве приглашения в поход 1594 года на Шамхала Тарковского казаки получили государевое хлебное жалование и "по полтине на брата".

Регулярные выплаты "вольным" казакам Дона, Терека и Яика начались производиться через Разрядный приказ с 1618 года. Как правило, казаки получали жалование в виде хлеба, денег, пороха, свинца, серы, ядер, сукна, холста и вина. Например, за поражение раскольников в 1692 году уздени, мурзы, терские и гребенские казаки получили 7239 рубли.

Гребенское войско в конце XVII - начале XVIII веков выставляло на службу 1000 казаков, но из них только половина получала жалование, другая же половина служила "с воды да с травы", то есть бесплатно.

Самостоятельность терских и гребенских казаков подчеркивалась и тем, что Москва имела сношения с ними через Посольский приказ, как с самостоятельными субъектами международного права.

Политика Петра I по отношению к казакам Терека была первоначально довольно взвешенной. Он приказал не тревожить старых верованников гребенцов, так как "служат они государю верно и без измены", но именно в эпоху его царствования закончился период казачьей старины, являющейся олицетворением вольности.

Последним проявлением добровольного участия в военной акции России гребенцов, как равноправных союзников, произошло по окончанию переселения их на левый берег Терека.

Хивинский поход 1717 года явился ярким примером авантюрной Южной политики Петра I. Весь экспедиционный корпус князя Александра Бекевича-Черкасского или был уничтожен, или же пленен и продан в рабство. В составе это корпуса находилось 500 гребенских казаков. Казачий Терек был обескровлен и долго ещё не мог оправиться от такого потрясения.

Казачьи войска вгонялись Петром I в единое имперское правовое пространство. Их самостоятельность фактически была ликвидирована в 1721 году с передачей ведения казачьих дел из Иностранной коллегии в Военную. С этого времени началась новая эпоха в жизни казаков Терека, связанная с начинающимся влиянием государства не только на вопросы службы, но и на внутреннее устройство казачьей жизни.